

но я с ним en ségémonie, как говорит Наполеон III, когда он в ссоре. Посылаю вам карточку к Хоецкому, он в сенате, хотя и не на Галерной⁵, — 18, Rue de l'Odéon.

Если вы желаете устроить дела с Ник. Ив. Тургеневым или с Трубецким (в Фонтенебло)⁶, я вышлю эпистолы.

Александр* уехал⁷, до 15 будет там — я получил от ваших петербургских родных письмо⁸.

А. Герцен

А. Мг Слепцов.

¹ Решившись остаться надолго за границей, Слепцов искал какую-нибудь литературную работу. Письмо Герцена к Мишле, содержавшее рекомендацию Слепцова, было послано в тот же день, что и комментируемое письмо. Таким образом, очевидно, что Лемке опубликовал письмо с ошибочной датой — 21 марта (mars) 1863 г. вместо правильной 21 мая (mai) (XVI, 145—146).

² Об этом же Флери Огарев запрашивал Слепцова в письме от 8 мая 1863 г.: «Отчего вы не ездил к Fleury? Отчего вам теперь к нему не ехать?» (XVI, 92). Печатаю письмо Огарева, Лемке высказал предположение, что упомянутый в нем Флери — быть может, А. Fleury, комиссар временного правительства 1848 г., изгнанный из Франции после наполеоновского переворота 2 декабря 1851 г. Возможно, однако, что это был Эдуард Флери (1815—1883), историк и археолог, автор «Etudes révolutionnaires» (1848—1859) и других произведений.

³ Н. Delaveau (Делаво) — французский писатель, переводчик на французский язык «Былого и дум» и других произведений Герцена. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, по указателю.

⁴ Повидимому, Герцен имеет в виду вышедшую в 1863 г. брошюру Мишле «La Pologne martyre. Russie. Danube».

⁵ Хоецкий был французским сенатором. На Галерной ул. помещался сенат в Петербурге.

⁶ О Н. И. Тургеневе и Н. И. Трубецком см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 828, и т. 62, 1955, стр. 582.

⁷ А. А. Герцен в это время находился в качестве агента «Земли и воли» в Швеции. Сообщая старшей дочери о предстоявшем его отъезде, Герцен писал: «Саша едет не сражаться, а по делам книжным и дипломатическим...» (XVI, 243). Целью поездки А. А. Герцена было, в частности, упорядочение переправки в Россию через Финляндию революционной литературы и оружия (см. выше, примеч. на стр. 145).

⁸ Под петербургскими «родными» Слепцова Герцен, несомненно, имел в виду его товарищ по Центральному комитету «Земли и воли». Между тем III Отделение, получив от своего агента копию публикуемого выше письма, вообразило, что в нем речь идет действительно о родственниках Слепцова, и потому приложило к справке о Слепцове список четырех его родных братьев: Алексея (подпоручика), Николая (председателя Рязанской гражданской палаты), Дмитрия (отставного поручика) и Василия (чиновника департамента герольдии), подозревая их в переписке с Герценом.

ОГАРЕВ — М. А. БАКУНИНУ

Публикация С. А. Никитина

Печатаемое ниже письмо Огарева относится ко второй половине шестидесятих годов, точнее — к 1867 г., когда вопрос об отношении русской революционной эмиграции к славянству, его освободительной борьбе и политике царского правительства в отношении славян приобрел особую остроту. 1866—1867 гг. были временем подъема южнославянского национально-освободительного движения против турецкого господства. В эти годы формировался союз Сербии, Черногории, Болгарии, Греции и Румынии с целью совместных вооруженных действий против Турции и завоевания независимости для подвластных Турции народов. Этот союз создавался правящими кругами заинтересованных стран при поддержке со стороны русской дипломатии, усилившей в эти годы свою активность в славянском вопросе.

В то же время московский Славянский комитет, организованный еще в 1858 г. группой панславистски настроенных деятелей (М. П. Погодин, И. С. Аксаков,

* К имени Александр рукой перлюстратора на копии добавлено: сын

А. С. Хомяков, М. Н. Катков и др.) и находившийся в тесной связи с министерством иностранных дел, воспользовался открывавшейся в Москве этнографической выставкой, на которую прибыли славянские гости, для организации славянского съезда. В задачи съезда входило сближение между восточными, с одной стороны, и западными и южными славянами, с другой. Скрытая цель московских панславистов заключалась в том, чтобы шире развернуть свою пропаганду и попытаться добиться признания за Россией, в частности за Славянским комитетом, главенствующей роли в славянском движении. В съезде, происходившем в Москве 16—20 мая 1867 г., участвовало около восьмидесяти славянских гостей, большая часть которых представляла австро-венгерских славян; значительной была депутация из Сербского княжества. Подвластные Австро-Венгрии чехи, словаки, хорваты, сербы, ведшие борьбу за национальные права в связи с дуалистической реорганизацией империи, также искали поддержки для этой борьбы вовне. Еще до московской этнографической выставки лидер чешских буржуазных кругов Ф. Палацкий ездил с этой целью в Париж. Когда же надежды на помощь со стороны французского правительства оказались обманутыми, он отправился в Москву. Возглавлявшая им и Ригером делегация состояла из 27 человек и широко представляла основные группировки тогдашнего чешского буржуазно-национального движения. Депутация Сербского княжества в значительной части состояла из официальных лиц и возглавлялась официальным представителем правительства. Ее приезд стоял в связи с деятельностью Балканского союза. Поляки на съезд не приехали. Остальные славяне были представлены единичными депутатами. Славянский съезд привлек внимание прессы (отрицательное — немецкой прессы, сочувственное — славянской) и вызвал враждебную настороженность со стороны правительства Австро-Венгрии.

Все эти события способствовали в различных общественных кругах России и других стран усилению интереса к славянской проблеме. Они привлекли к себе внимание и Герцена. Он откликнулся на них рядом статей, напечатанных в «Жулоколе»: «Славянская агитация» (л. 241 от 15 мая 1867 г.), «Этнографическая агитация в Москве» (л. 242 от 1 июня), «Мазурка» (л. 243 от 15 июня), «Котам игра — мышам слезы» (л. 244—245 от 1 июля). В первой из этих статей Герцен писал: «Успеха этнографическому, всеславянскому собору мы желаем от души. Может, и правительство наше увлечется хорошим примером, и, наслушавшись, как скверно славянам под гнетом австрияков и турок, вспомнит, что есть еще несчастные славяне, их соотчичи, разоряемые беспорядком, задавленные немцами, расстреливаемые генералитетом, и сзовет их на *общую думу* вместе погоревать, потужить да посоветоваться сообща, как горю пособить» (XIX, 312).

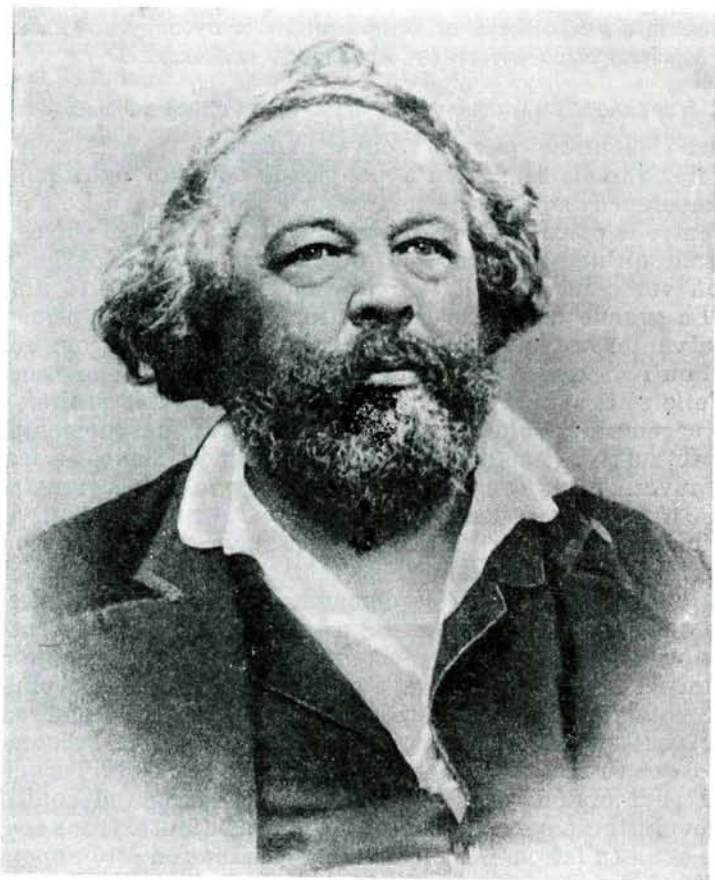
В статье «Мазурка» Герцен коснулся выступлений на Славянском съезде, касавшихся поляков. Не упоминая о том, что первым заговорил об этом чешский представитель Ригер, Герцен заявил, что лишь «один Погодин сказал человеческое слово» о Польше, и тут же сочувственно привел это «слово»: «Мы жалеем об этой розни *мы плачем о ней*». Вслед за тем Герцен обрушился на речь близкого к славянофилам кн. В. А. Черкасского (который был в 1863—1867 гг. заместителем наместника Царства Польского), заявившего, что поляков охотно примут, если они возвратятся «в нашу среду не строптивым членом ее, а как *блудный сын, кающийся в своих грехах*» (XIX, 355). Заклеймив эту «дикую фразу» гневной насмешкой, Герцен предупредил, что на этой почве примирения не произойдет.

Сочувственное упоминание Герценом выступления Погодина на славянском съезде вызвало недовольство со стороны Бакунина. Он отозвался на статью «Мазурка» письмом от 23 июня, в котором упрекал Герцена за «тон» готовности «на полусделки с людьми, с которыми для последовательного социалиста примирение невозможно». «Ты все, как будто, церемонишься, — писал Бакунин, — и как будто бережешь людей не только славянофильской партии, но начинаешь разговаривать *mens'lich** даже с Катковым, точно, как будто, одни из них не решительные продажные мерзавцы, а другие не гнилые покойники. Ты, как будто, предчувствуешь и ожидаешь минуты, когда тебе можно будет идти, говорить и действовать заодно с ними» (XIX, 355).

* по-человечески (нем.).

Бакунин отрицал возможность какого-либо сотрудничества с официальной Россией в славянском вопросе.

Эти же мысли Бакунин развивал в более раннем письме, от 7 мая 1867 г., адресованном совместно Герцену и Огареву и написанном спустя три дня после переезда русской границы славянскими депутатами, отправлявшимися на съезд. Бакунин писал: «Ты все горюешь о том, Герцен, que nous avons manqué notre vocation* и что не умели стать

М. А. БАКУНИН

Фотография, сохранившаяся в «пражской коллекции», 1860-е гг.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

во-время практическими людьми. Но практика невозможна без объективного политически-социального основания, а в официальной России для нас с нашим социально-аналитическим, противогосударственным направлением, его для нас быть не может. Ты как будто завидуешь настоящей деятельности Аксакова, Самарина et comp(anie) <...> А я не верю в восточную войну <...>, наше государство ее загрязнит и испортит своим вмешательством. Оно ищет на Востоке не новой жизни, а возмездия и вознаграждения за нанесенный урок старой жизни Крымскою кампаниею, надеется восстановить ее новыми победами под крутой шумок <...> Все это официальное кокетничанье с славянами отвратительно, гадко...» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 303.— Уточнено по автографу «пражской коллекции»).

* что мы упустили свое призвание (франц.).

Публикуемое письмо Огарева отражает, как мы думаем, именно эти обострившиеся под влиянием событий разногласия по славянскому вопросу. На этом основании его можно датировать маем — первой половиной июля 1867 г. Стремление разъяснить и защитить позицию Герцена, отвести от него, как необоснованные, упреки в сближении с панславизмом Погодина — все это представляет круг вопросов, связанных и по содержанию и хронологически с тем, что происходило в славянском движении в начале лета 1867 г. Если наши соображения о дате документа справедливы, то очевидно, что, кроме цитированного выше письма Бакунина к Герцену от 23 июня 1867 г., было и другое, неизвестное нам, ответом на которое является публикуемое письмо Огарева.

Письмо печатается по автографу «софийской коллекции».

〈Женева. Май — июнь 1867 г.〉

Mon cher Bakounine, je crois trouver dans ta lettre à Herzen une erreur fondamentale. Jamais Herzen n'a pu passer pour un panslaviste dans le sens de l'empereur Nicolas et du professeur Pogodine, et je vois une parfaite différence entre le panslavisme et l'émancipation des races slaves, le panslavisme n'étant qu'une fantaisie philologique et l'émancipation de dessous l'oppression turco-austro-madgiare devenant une nécessité historique et humaine. La grande contradiction qui se présente sur le passage c'est la question suivante: les Slaves ont-ils la force de secouer le joug seuls? C'est la question qu'ils se sont posée et qui les entraîne fatalement vers la Russie quelle qu'elle soit, sauf, à s'en détacher après en avoir profité, si elle n'a pas encore accompli sa réforme. Il pourra se trouver des moments où le gouvernement actuel russe tout en promettant d'aider les Slaves — les trompera, comme le gouvernement français trompe la Pologne¹. Mais tu ne peux pas ne pas voir que tôt ou tard la Russie et rien que la Russie (car il n'y a personne d'autre) viendra en aide à l'émancipation slave. C'est une tendance, une gravitation historique à laquelle il est tout aussi impossible d'échapper qu'à la gravitation terrestre. Aussi je demande — avons nous le droit de nous mêler de la question, si nous avons des principes qui nous séparent et d'apparaître plus ou moins comme un élément qui empêche la marche des choses? Ou bien devons-nous laisser faire, sauf à dire notre pensée plus tard?

Moi, je vote pour le dernier moyen. Car ce n'est pas la France monarchique qui peut organiser la révolution; ce n'est pas la Pologne, plus aristocratique que tu ne le penses et qui appelle à son aide la Turquie² l'Autriche³ — qui peut organiser la révolution. C'est du grand conflit que doit jaillir la révolution paysanne (et il n'y en a pas d'autre) sous toutes ses formes et que veux tu faire si les éléments ne peuvent en être apportés que par l'orient slave? Tu ne peux pas ne pas le voir à moins de fermer les yeux⁴.

Перевод*:

〈Женева. Май — июнь 1867 г.〉

Дорогой Бакунин, мне кажется, что твое письмо к Герцену содержит коренную ошибку. Никогда Герцен не мог сойти за панслависта в духе императора Николая и профессора Погодина, и я вижу глубокое различие между панславизмом и освобождением славянских народов, ибо панславизм — всего только филологическая фантазия, тогда как освобождение из-под турко-австро-мадьярского гнета становится исторической необходимостью и требованием гуманности. Большое противоречие, возникающее на этом пути, заключается в следующем вопросе: станет ли у славян силы, чтобы самим сбросить ярмо? Это вопрос, который они себе поставили и который неизбежно влечет их к России, какова бы она ни была, с тем, чтобы, воспользовавшись ее помощью, потом порвать с нею, если она к тому времени не осуществит у себя реформу. Возможно такое

* Перевод М. Г. Апукиной.

положение, при котором русское правительство, несмотря на обещание поддержать славян, обманет их, подобно тому, как французское правительство обманывает Польшу¹. Но ты не можешь не видеть, что рано или поздно Россия и только Россия (ибо другого никого нет), придет на помощь освобождению славян. Это стремление — историческое тяготение, от которого так же невозможно уйти, как от земного тяготения. Вот почему я и спрашиваю, имеем ли мы право вмешиваться в эти дела, если существуют некоторые разъединяющие нас убеждения, и служить так или иначе элементом, препятствующим ходу вещей. Или мы должны все предоставить естественному течению, с тем, чтобы высказаться позднее?

Я голосую за последнее. Ибо не монархическая Франция в состоянии поднять революцию; не Польша — более аристократическая, нежели ты думаешь, и притом призывающая на помощь Турцию² и Австрию³, — в состоянии поднять революцию. Из великого столкновения должна разгореться крестьянская революция (другой и не существует) во всех ее формах, и что поделаешь, если элементы ее могут быть порождены одним лишь славянским Востоком? Ты не можешь не видеть этого, разве что закроешь глаза.

¹ Имеются в виду события, связанные с польским восстанием 1863 г. Французское правительство обещало восставшим полякам свою поддержку, но дальше дипломатических выступлений не пошло.

² После неудачных восстаний 1830 и 1863 гг. часть повстанцев эмигрировала в Турцию. В связи с Крымской войной эмигранты пошли на военную службу к турецкому правительству. Был оформлен казачий отряд (казак-алай) из польских эмигрантов, турок и болгар во главе с Михаилом Чайковским (Садык-пашой), который участвовал в нескольких столкновениях с русской армией. После войны отряд был превращен в регулярную воинскую часть. На участие в борьбе за независимость Польши польских войск, сформированных в Турции, возлагали надежду и центры польской эмиграции. В 1855 г. великий польский поэт А. Мицкевич побывал в Турции и ознакомился с отрядом Чайковского. В своем письме к А. Чарторыйскому он писал, что если бы эта организация приобрела более широкие размеры, то «могла бы стать оружием польского дела». Однако объективно функция казак-алай была далекой от этих мечтаний и не отличалась от роли других турецких воинских частей. Казак-алай передвигали в порядке военных демонстраций на границы соседних государств, использовали для умирения национально-освободительной борьбы в Сирии (1858 г.), в Болгарии и т. д. (см. И. К. Стойчев. Казак алай на Чайковски. София, 1944).

³ В 1861 г. Галицийский сейм обратился с благодарностью к императору за некоторое расширение автономии. В 1866 г. после назначения наместником Галиции поляка Голуховского усилилось движение сторонников австрийской ориентации. В декабре того же года сейм, по предложению консерваторов, принял верноподданнический адрес, в котором заявлял императору: «При тебе, светлейший государь, стоим и стоять желаем».

ГЕРЦЕН — ОГАРЕВУ

Публикация П. Г. Рындзюнского и В. А. Путинцева]

1

В напряженной литературно-общественной деятельности Герцена 1867 г. большое место занимает его полемика с И. С. Аксаковым. Она возникла после того, как Аксаков присоединился к возобновившейся в 1867 г. кампания русской реакционной печати, обвинявшей Герцена и других деятелей революционной эмиграции в подстрекательстве к поджогам.

Помимо ответа в «Колоколе» на клеветническую статью, опубликованную в «Варшавском дневнике» и перепечатанную затем в «Голосе» (XIX, 244—245), Герцен рассчитывал поместить опровержение и в легальных изданиях, выходивших в России. Одно из таких опровержений, в форме письма к И. С. Аксакову, было направлено в